

Daniel Schreiber

ALLEIN

Даниэль Шрайбер

ОДИН И ОН

*Как мы учимся
быть сами по себе*

Перевод с немецкого
Сергея Ташкенова

Individuum
Москва, 2026

УДК 13+316.37
ББК 87.6+364.624.4
Ш85

Шрайбер, Даниэль.

Ш85 Один и ОК. Как мы учимся быть сами по себе / Даниэль Шрайбер; [пер. с нем. С. Ташкенов]. — М.: Individuum, Эксмо, 2026. — 160 с.

ISBN 978-5-04-238957-3

В современном обществе доминирует идея индивидуализма, но одиночество при этом часто воспринимается как личный провал. Мы обнаруживаем в себе стремление одновременно и к свободе, и к близости, что наглядно показал опыт изоляции во время пандемии. В своих эссе немецкий писатель и журналист Даниэль Шрайбер всматривается в этот кажущийся парадокс, обращаясь к трудам философов (от Аристотеля и Мишеля Фуко до Ханны Арендт и Жюль Делеза), художественной литературе (от Джейн Остин до Анни Эрн), актуальным исследованиям практикующих психотерапевтов и даже к популярным ситкомам. И приходит к дарающей надежду мысли, что выстраивание иерархий из моделей жизни, возможно, — не самая удачная идея, и слову «одиночество» соответствуют не только темные тона.

УДК 13+316.37
ББК 87.6+364.624.4

© 2021 Hanser Berlin im Carl Hanser
Verlag GmbH & Co. KG, München

© С. Ташкенов, перевод с немецкого, 2024
© ООО «Издательство «Эксмо», 2024, 2026

ISBN 978-5-04-238957-3

Individuum®

Содержание

Жизнь в одиночестве.....	9
The Kindness of Strangers	26
Дружеские разговоры	44
Одиноко как никогда	62
Неоднозначные потери	79
Отпуск в Фамаре	99
Работа над телом	118
Расставания	134
<i>Благодарности</i>	149
<i>Литература</i>	151

В каждое мгновение наряду с тем, что кажется людям естественным делать и говорить, ... существует то, о чем общество умалчивает, игнорирует как факт, обрекая на одинокий дискомфорт тех мужчин и женщин, которые это ощущают и не могут назвать. Молчание однажды оказывается нарушено, внезапно или постепенно, и слова проливаются на то, что наконец получает признание, а тем временем новые зоны молчания смыкаются в глубине¹.

¹ Эрнэ А. Годы / пер. с фр. А. Беляк. М.: Эксмо, 2003. С. 113.

Жизнь в одиночестве

В конце лета мы сидели за домом на шатких складных стульях, пили кофе, наслаждались последними теплыми лучами солнца и смотрели на заросшую землю, бывшую некогда большим дачным участком. Сильвия и Хайко построили этот дом недалеко от Липнице, в озерном пригороде Берлина. Строительство затянулось на несколько лет, но теперь они вместе с малышкой Лилит, наконец, переехали сюда, расставшись с жизнью в Берлине. Я следил за переездом со смешанными чувствами, не зная, как новая пространственная отдаленность отразится на моей социальной жизни и в особенности на дружбе, которая давно связывала нас с Сильвией.

За садом никто не ухаживал уже много лет. Перед нами расстилалось косматое поле сухих трав, лебеды и крапивы, окруженное плотно стоящими туями высотой в несколько метров. В центре уходили в небо три большие сосны, между которыми уютились чахлые кусты лавровишни и рододендрона с грузными ветвями и скудными листьями. Каким-то чудом еще держались

несколько на удивление стойких пурпурных горичцев, розоватых журавельников и ярких оранжево-желтых гелиопсисов. Недолго думая, я предложил Сильвии помочь привести сад в порядок. Уже и не скажу, почему это показалось мне тогда верным решением. Оно было связано с тем, что от работы на природе, с растениями, я надеялся каким-то образом заземлиться. Возможно, частью души я чувствовал, что бедственное состояние сада похоже на состояние моей жизни. Бедственное, несмотря на все моменты прекрасного. В прошедшие месяцы во мне крепло ощущение, что я сделал что-то не так, что в юности поддался мечтательному заблуждению о взрослой жизни и что последствия этого заблуждения по-настоящему проявляются только сейчас.

Я никогда не принимал сознательного решения жить одному. Напротив, долгое время я был уверен, что разделю жизнь и состарюсь с кем-то. В прошлом у меня всегда были отношения — короткие, более длительные и гораздо более долгие; зачастую одни переходили в другие. С двумя из моих партнеров я жил вместе, а с одним из них в течение многих лет даже планировал совместное будущее. Когда на том этапе жизни я оставался один, недели могли казаться вечностью, и я заполнял ее романами и интрижками на одну ночь, романтическими наваждениями, о которых до сих пор не люблю вспоминать. Но в какой-то момент все это кончилось. Прошли сначала месяцы, потом годы, когда у меня не было никаких отношений, а романы случались все реже. Если раньше я не мог долго быть один, то теперь, казалось, искал одиночества.

В разговорах с друзьями я объяснял это тем, что раньше был молод и непредвзят, не боялся идти на риск. Иногда

я говорил, что -миру любви и желания характерна своеобразная безжалостность, которая с определенного возраста помогает оставаться невидимым. Я спрашивал себя, не слишком ли я психически перегружен для новых отношений, есть ли для них вообще место в моей жизни — жизни, вынуждающей много работать, чтобы держать голову на плаву, и много времени посвящать письму, главному для меня занятию.

Все это было так, но в то же время требовало объяснения получше. Случались дни, когда я думал, что живу один, в том числе поскольку мне не хватает чего-то вроде сущностной уверенности. Другими словами, во мне отсутствовало принципиально главное: ощущение, что впереди меня ждет хорошее, многообещающее будущее, которое стоит того, чтобы с кем-то его разделить. Эта беспомощность отнюдь не ограничивалась личной жизнью. Последствия непреодолимого экономического неравенства, растущее влияние авторитарных режимов, почти наверняка неостановимое изменение климата — казалось, человечество утратило волю противостоять ожидающей его катастрофе. Вместо этого оно само ринулось ей навстречу с каким-то странным, смакующим фатализм. Каждая засуха, каждый тропический циклон, уничтожающий целые массивы суши и острова, каждый прогноз бедственного голода, очередной волны беженцев и — как следствие — краха политических систем, каждая новость о бездействии правительства в том или ином уголке мира капля за каплей лишали меня надежды. Всякий раз, когда я читал о неожиданных успехах кампаний политической дезинформации, об угрозах кибер- и биотерроризма, о новых вирусах и глобальных эпидемиях,

которые застанут нас врасплох, во мне крепло чувство безысходности.

Возможно, мои ощущения лучше всего описать понятием *moral injury* — «моральной травмы». Оно пришло из исследований посттравматических расстройств у военных репортеров и описывает нарушение внутреннего понимания реальности, возникающее, когда человек становится свидетелем ужасных событий, но не может вмешаться¹. Разумеется, нельзя сопоставлять нашу жизнь с жизнью людей, ведущих репортажи с войны, однако дилемма схожа. Мы следим за происходящим в мире ужасом и чаще всего обречены на бездействие. И уже давно меня преследует чувство: что это, как не болезненная атака на моральный компас, на мое понимание себя и мира?

Я люблю сады. Еще в детстве я узнавал у мамы, страстного садовода, названия растений и беззаботно играл среди больших фруктовых деревьев и перистых кустов спаржи. Уже много лет я регулярно езжу в Борним под Потсдамом посмотреть на прекрасный сад селекционера Карла Форстера. В Версале я могу часами гулять по *potager du roi*² Жана-Батиста де ла Квинтини. От Сиссингхёрста, загородного поместья и обширного сада Виты Сэквилл-Уэст, разделенного по цветам и оттенкам, всякий раз

¹ Feinstein A., Storm H. The Emotional Toll On Journalists Covering The Refugee Crisis. Bericht des Reuters Institute for the Study of Journalism, Juli 2017; см. также: Krauss N. We're Living in a World of Walls. Here Is a Window to Escape // New York Times, 23.10.2020.

² Огород короля (*фр.*). — Прим. пер.

захватывает дух. В последние годы меня особенно завораживали работы Пита Удольфа, голландского дизайнера садов. Его творения отличаются дикой красотой. Они напоминают ритмичные моря из растений прерий, местных многолетников и трав: там всегда что-то цветет, а изящные формы некоторых насаждений ласкают взгляд даже зимой.

Сады Удольфа отзывались во мне чем-то, что трудно облечь в слова. Они не только удовлетворяли потребность в уединении, но и позволяли почувствовать возможность что-то противопоставить тяготам современности. Они доказали: мы способны хотя бы в малом сделать мир красивее и, пусть лишь на участке земли, заложить основы лучшего будущего. Способны жить с миром и в мире, на который ропщем.

Вдохновленный Удольфом и его философией садов, я предложил Сильвии и Хайко более масштабно перепланировать участок вокруг дома. Я принялся систематически изучать книги Удольфа. Целью был экологически устойчивый сад, который из года в год требовал бы меньше работы, поскольку растения настолько хорошо сочетаются друг с другом и с местом, где высажены, что образуют своего рода мини-экосистему. Сад, требующий минимального полива даже в жаркое лето.

Постепенно мы принялись за работу. У меня был ключ от дома. Когда возникала необходимость или дела мои шли не так хорошо, я садился на электричку и ехал на Липнице. Там я иногда вставал спозаранку, варил кофе и выходил из дома. Работа руками сопровождалась своего рода умственным трудом, возделывание

пространства сада — расширением моего ментального пространства. По крайней мере, так это ощущалось¹.

Той осенью я часто вспоминал знаменитый тезис Жана-Франсуа Лиотара, выдвинутый им еще в конце 1970-х годов, о «конце великих рассказов». Он не имел в виду формы художественного нарратива, а описывал фундаментальную утрату достоверности, от которой страдает наше общество. «Рассказами» Лиотар называл политику и философию, подразумевая, что ни одна из этих областей не может больше претендовать на что-то вроде обязательной «рациональности»².

По моему впечатлению, только сейчас мы начали ощущать, что же конец этих великих рассказов означает для жизни и поняли: несколько последних лет мы буквально в режиме реального времени следим за этим процессом. Он отразился в тенденциях, из которых одни были отрадными, другие — крайне тревожными: например, конец нормы патриархального уклада и закоснелых представлений о гендере и одновременно конец коллективной ответственности и социальных действий, основанных на научных стандартах, а также утрата коллективной веры в демократию.

Для Лиотара конец великих повествований поставил под вопрос и «автономного субъекта», который может

¹ О целительном воздействии садоводства см.: *Стюарт-Смит С.* Зеленая терапия: как прополоть сорняки в голове и взрастить свое счастье / пер. с англ. Е. Цветковой. М.: Бомбора, 2023.

² См.: *Лиотар Ж.-Ф.* Состояние постмодерна / пер. с фр. Н. Шматко. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 1998.

